

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(НИУ «БелГУ»)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ
КАФЕДРА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА И МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ

**МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ СОВРЕМЕННОГО
АНГЛИЙСКОГО РОМАНА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
СЕБАСТЬЯНА ФОЛКСА «НЕДЕЛЯ В ДЕКАБРЕ»)**

Выпускная квалификационная работа
студентки очной формы обучения
направления подготовки 44.03.05 Педагогическое образование,
профиль Иностранный язык (первый, второй),
5 курса группы 02051105
Лякиной Александры Сергеевны

Научный руководитель:
к.ф.н., доцент Лагоденко Д.В.

Белгород 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. Мультикультурализм в современном пространстве и становление мультикультурного контекста современной английской литературы	6
1.1. Мультикультурализм современной английской культуры	6
1.2. Мультикультурализм и его влияние на формирование нового контекста современного английского романа	12
1.3. Символ «английской книги» как источник сюжетов и фундамент системы образов.....	20
Выводы по ГЛАВЕ I	28
ГЛАВА II. Специфика реализации мультикультурного контекста в произведении Себастьяна Фолкса «Неделя в декабре»	30
2.1. Образ Лондона в романе «Неделя в декабре» как основа мультикультурного хронотопа	30
2.2. Смещение культур и этнических систем в произведении Себастьяна Фолкса «Неделя в декабре»	38
Выводы по ГЛАВЕ II.....	53
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	55
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	57
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА	61

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время заметно вырос интерес к изучению современного мультикультурного общества. Формирование глобальных информационных сетей и мировое экономическое взаимодействие, рост миграционных потоков, характерный для эпохи постколониализма, и интенсификация поликультурных контактов, потеря культурного единства социума и появление новых субкультур приводят к усилению культурного многообразия и исчезновению монокультурных государств. Возможность формирования мультикультурного статуса общества требует теоретического осмысления.

Актуальность настоящего исследования обусловлена, прежде всего, тем, что в свете развивающегося диалога культур в течение последних десятилетий обостряется проблема судьбы современной английской литературы, полностью зависящей от происходящих в переживаемый момент масштабных процессов глобализации и интернационализации, в рамках которых осуществляются эти исследования.

Несмотря на определенное количество теоретических разработок и научных публикаций, выявление социальных реалий, истоков мультикультурализма и возможных альтернатив и противоречий межкультурной теории и практики, анализ современной литературы по проблеме мультикультурализма доказывает, что на сегодняшний день в гуманитарной науке еще не выработано единое общепризнанное истолкование данного понятия.

Объектом исследования является феномен мультикультурализма, взятый в его социокультурном и цивилизационном измерении.

Предметом исследования выступает реализация мультикультурализма в контексте современного английского романа на материале произведения Себастьяна Фолкса «Неделя в декабре».

Цель настоящей работы заключается в исследовании многообразия форм мультикультурализма и языковых способов его репрезентации в мире современной книжной культуры.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- 1) определить теоретические основы исследования посредством рассмотрения особенностей формирования современного мультикультурного пространства;
- 2) проанализировать последствия влияния процессов глобализации на функционирование мультикультурной модели современной Великобритании;
- 3) раскрыть сущность феномена «мультикультурный контекст современного английского романа»;
- 4) проанализировать многоаспектность проявления мультикультурализма в произведении Себастьяна Фолкса «Неделя в декабре».

Теоретической базой исследования послужили труды многих отечественных и зарубежных ученых: в области социологии, философии и культурологии: работы Т.П. Волковой, С.Н. Гаврова, А.И. Куропятника, В.А. Мамоновой, О.А. Павловой, М.В. Тлостановой, С.П. Толкачева, Ю. Хабермаса Н. Bhabha, A. Giddens, N. Glazer, W. Kymlicka, Ch. Taylor; в области глобалистики и политологии: работы А.А. Борисова, С. Бенхабиба, Ч. Кукатаса, В.В. Малахова, Э.А. Паина, Г. Тернборна; в лингвистической семиотике: работы Н.Д. Арутюновой, Ю.М. Лотмана; в лингвистике текста и дискурса: работы О.В. Александровой, В.И. Карасика.

Фактическим материалом для исследования послужили языковые реализации феномена мультикультурализма, полученные методом сплошной выборки, из контекста современного английского романа Себастьяна Фолкса «Неделя в декабре».

Методологическую основу исследования составляют диалектический, системный, герменевтический методы, метод сплошной выборки.

Апробация работы. Материалы исследования нашли отражение в статье «Мультикультурный контекст современного английского романа (по роману Себастьяна Фолкса «Неделя в декабре»)».

Структура и содержание работы определены составом решаемых проблем и задач. Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, выводов по главам, заключения, списка использованной литературы, списка источников фактического материала.

Во введении обосновывается актуальность, практическая значимость работы, определяются цель, задачи и методы исследования.

В первой главе излагаются основные теоретические положения исследования. Описываются основные определения понятия мультикультурализм и процесс формирования нового контекста современного английского романа.

Вторая глава посвящена изучению особенностей реализации мультикультурализма в произведении Себастьяна Фолкса «Неделя в декабре».

В заключении подводятся итоги исследования и рассматриваются перспективы дальнейшей разработки проблематики мультикультурализма.

ГЛАВА I. Мультикультурализм в современном пространстве и становление мультикультурного контекста современной английской литературы

1.1. Мультикультурализм современной английской культуры

Британская империя являлась крупнейшим из когда-либо существовавших государств за всю историю человечества с колониями на всех обитаемых континентах. Империя, “над которой никогда не заходит солнце”, росла в течение двух сотен лет. Апогеем расширения колоссального государства принято считать начало XX в.

Однако после Второй мировой войны резко обострился общий упадок капиталистической системы. Невиданный ранее размах приняли освободительные движения народов Африки и Азии. Империалисты не могли больше безраздельно господствовать в странах Востока, а поработанные народы больше не желали терпеть притеснения и насилия захватчиков. Могущественная британская империя перешла в стадию распада. В ней начался мощный подъём национально-освободительной борьбы, являвшийся основным и решающим фактором обострения кризиса государства. Итоги войны создали исключительно благоприятные условия для защиты захваченных народов обретенной ими независимости.

Распад могучей Британской империи нашел непосредственное отражение в мировом культурном наследии. При решении проблем, связанных с бытием мирового сообщества, в центре внимания, безусловно, находится культура – в широком смысле этого слова. Мультикультурализм, являясь политическим и культурологическим концептом, заставляет пересматривать многие устоявшиеся понятия, в том числе и то, как Запад, воспринимая свою идентичность, воплотил ее в произведениях искусства.

Таким образом, процесс мультикультурного смешения, происходившего в Великобритании в последние десятилетия XX в. в результате интенсивной миграции граждан бывших британских колоний, переплетение чуждых этнических систем и появление «новых англичан» сопровождалось усвоением традиционной английской культуры и, одновременно, вольным или невольным привнесением нехарактерных туманному Альбиону культурных особенностей.

Термин «мультикультурализм» появился впервые в конце 60-х годов XX века в Канаде и уже в 1971 году приобрел статус официального термина и обозначение правительственного курса. В конце прошлого века частотность его употребления начала стремительно расти и на рубеже 80-х – 90-х годов XX века данное понятие стали включать в различные словари по социологии, философии и политологии, а современное значение «мультикультурализма» стало одной из основных категорий современных общественных наук. На запрос «мультикультурализм», заданный в одной из крупнейших интернет-поисковых систем «Google», было выдано более 235 тысяч ссылок, что свидетельствует об особой заинтересованности данным термином в современном обществе.

По мнению отечественного политолога и этнографа Э.А. Паина, «мультикультурализм – это совсем свежая концепция, которая вошла в научный оборот лишь в конце 1980-х годов и уже в силу своей молодости пока не имеет серьезной теоретической основы. Сам этот термин крайне неопределен, хотя и употребляется в последнее время чрезвычайно широко во многих странах мира... Тем не менее, при всей теоретической неопределенности этого концепта, его популярность заложена в основном постулате, признающем самоценность культурного разнообразия страны (региона, всего мира) и принципиальную недопустимость ранжирования культур по принципу «низшая – высшая», «главная – второстепенная» (Паин, 2004: 62).

Американский социолог Н. Глейзер определил мультикультурализм как «комплекс разнообразных процессов развития, в ходе которых раскрываются многие культуры в противовес единой национальной культуре» (Glazer, 1997:

86). Так же ученый выделяет несколько форм мультикультурализма: трансформативный, добавочный и афроцентризм.

Трансформативный тип является одной из форм воинствующего мультикультурализма. Согласно Н. Глейзеру, в нем вся история переписывается заново, и главная роль отводится расам и этничности, ранее подвергавшиеся дискриминации (Glazer, 1997).

Добавочный мультикультурализм также относится к воинствующей форме, агрессивность которой постепенно нарастает и со временем становится очевидной. Либеральность по отношению к этнокультурным группам порождает маятниковый откат в сторону, противоположную изначальному направлению плюралистической стороны мультикультурализма. Н. Глейзер расшифровывает добавочную форму как факт активного добавления в политические процессы некоторых значимых фигур, представляющих миноритарные культурные группы (Glazer, 1997).

Афроцентризм представляет собой ответвление трансформативного вида мультикультурализма. Будучи изначально направленным через осмысленные шаги по включению изучения Африканского континента в образовательный процесс на восстановление прав афроамериканской составляющей населения, мультикультурализм сталкивается с требованиями пересмотра хода истории, а также мировых культурных и научных, главных технологических достижений человечества с позиции первенства африканской, в частности негритянской культуры.

С. Бенхабиб под мультикультурализмом, в свою очередь, понимает теорию, согласно которой культуры и группы людей представляют собой четко идентифицируемые и разделенные общности, сохраняющие жесткие границы и сосуществующие друг с другом подобно элементам мозаики (Бенхабиб, 2003: 9).

Тем не менее, термин «мультикультурализм» не имел однозначного определения уже в пору своего возникновения. На современном этапе мультикультурализм обладает одной из наиболее расплывчатых дефиниций

политического лексикона и означает лишь то, что вкладывает в него каждый говорящий. Сторонники мультикультурализма рассматривают его как отражение современного общества, характеризующегося многообразием культур и как исключительно культурологический принцип, состоящий в том, что люди разной религии, рас, этничности, не отступая от своего культурного своеобразия, должны научиться жить друг с другом бок о бок. Как правило, такой подход не встречает возражений со стороны серьезных европейских дипломатов, однако они выступают против иных сторон мультикультурализма, рассматривая его сквозь призму государственной политики.

В отличие от политического либерализма мультикультурализм признает права за коллективными субъектами: культурными и этническими группами. Такие права выражаются в предоставлении культурным и этническим общинам возможности выражать политическую оценку, управлять системами обучения представителей своих народов. Мультикультурализм противопоставлен концепции «плавильного котла», который предполагает слияние всех культур в одну. В качестве примеров можно привести США, традиционно провозглашавшие данную теорию, и Канаду, культивирующую кросскультурность. Мультикультурализм является одним из аспектов толерантности, заключающимся в требовании мирного сосуществования культур с целью их взаимного развития, обогащения и проникновения в направлении массовой культуры. Идея мультикультурализма выдвигается преимущественно в высокоразвитых странах Европы, в том числе и в Англии, где издавна отмечается высокий уровень культурного развития. В современной Великобритании мультикультурализм, прежде всего, предполагает включение элементов культур иммигрантов из стран «третьего мира» в её собственное культурное поле.

Современные процессы глобализации привели к выходу из географической изоляции различных культур, которые пересекались относительно мало прежде, а еще менее длительно сосуществовали в одном

обществе друг с другом. Сегодняшняя Англия, с ее миролюбием и демократическими ценностями, создала благоприятные условия для того, чтобы в ней встретились на равных представители самых разных, прежде довольно изолированных и удаленных, культурных миров.

В Великобритании, как и в остальной Европе, на протяжении многих столетий проживают небольшие иноверческие общины, однако они не были никогда достаточно заметны. Встретить женщину в парандже или мужчину в чалме на улицах английских городов являлось ранее исключительной экзотикой. Однако в XX веке, а особенно вследствие Второй мировой войны, ситуация кардинально изменилась: численность самых разных религиозных и этнических групп начала стремительно возрастать. Особенно великим оказался приток иммигрантов из Британской Индии, которая обрела в 1947 году независимость и была представлена в лице Индии и исламского Пакистана.

На сегодняшний день население Великобритании, являющееся приверженцами индуизма, занимает по численности третье место после христиан и мусульман. В Лондоне проживает наиболее крупная индуистская община, для которой был построен в 1995 самый большой индуистский храм, расположенный за пределами Индии, наряду с которым с середины 2000-х годов в Лондоне начала функционировать первая индуистская школа. На сегодняшний день довольно часто можно увидеть на улицах Лондона индусов в их традиционной одежде. Несмотря на религиозную и культурную чуждость Европе, эти народы влились в британское общество, не вызывая ни у кого раздражения или страха и не давая поводов для насилия и протеста. При этом трудно сказать, чтобы индусы стремятся к отречению от своих традиций: напротив, многие из них всецело демонстрируют сохранность своей верности кастовой системе, проживая многие годы в Англии.

Мусульмане, как и индуисты, также ориентированы на успешную интеграцию в британское общество. В современной Великобритании существует характерная особенность: мусульмане-иммигранты первой волны, стремясь

воссоединиться с коренным обществом, не особенно исправно соблюдают исламские традиции и обычаи, стараясь внешне не слишком отличаться от основного населения страны. Однако переселенцы второй и третьей волны, а также потомки иммигрантов первой волны постепенно заражаются чувством религиозной и национальной озабоченности, возникающей по большей мере под влиянием проповедников из арабских, приехавших в Англию из арабских стран.

Стоит отметить, что британские власти всячески способствуют успешному существованию иных культур. Целью такой политики, прежде всего, являлось устранение признаков дискриминации иммигрантов, интеграция в новый для них социум и одновременное сохранение религиозной и национальной идентичности. Во многом такие программы увенчались успехом: напряженность между многими этническими группировками снизилась, а некоторые подавленные районы Англии, большинство жителей которых представлено иммигрантами, обрели второе дыхание. Несмотря на возникшие исламофобские настроения в результате взрывов в июле 2005 года, британцы выражают свое положительное отношение к этому интеграционному курсу.

Тем не менее, западный стиль жизни, с присутствующим секуляризмом, подчас весьма непристойными развлечениями и культом потребления вызывает у многих сторонников традиционных религий раздражение.

Мусульманская община в Великобритании с каждым годом набирает все более быстрые темпы роста. Так, например, в сентябре 2009 года газета «The Daily Telegraph» опубликовала официальные данные статистики за 2008 год, согласно которым исламское имя «Мухаммед» стало наиболее популярным из мужских дававшихся детям имен в Лондоне (The Daily Telegraph, 2009). Согласно данным другого исследования, численность мусульман возрастает в 10 раз быстрее, нежели остального населения (The Times, 2009). Основными факторами такого роста, по мнению экспертов, являются высокая рождаемость в мусульманских семьях, продолжающаяся иммиграция из исламских стран и переход представителей других религий в ислам.

1.2. Мультикультурализм и его влияние на формирование нового контекста современного английского романа

Культурное разнообразие выступает основной характеристикой современного общества. Проблемы культурного диалога и мультикультурного существования являются чрезвычайно актуальными на сегодняшний день. Активно обсуждаемая тема «свое» и «чужое» в сопоставлении с темой культурного бытия человечества приобретает особую социальную значимость в начале XXI столетия. Содействие культурному многообразию тесно связано с понятием «мультикультурализм».

Мультикультурализм получил обстоятельное толкование в междисциплинарной области исследований культуры под названием «культурные исследования», подчиненной вопросам этнической, национальной, расовой идентичности и связанная с английской интеллектуальной традицией: «Культурные исследования» основываются на представлении о том, что современный мир – это тотальная множественность: классовая, расовая, этническая, культурная (принцип мультикультурализма – multiculturalism). Это направление исследований вовлекло в свою орбиту множество ранее не изучавшихся маргинальных объектов и феноменов, например, телевизионные новости, этнические меньшинства, поп-музыка, различные типы сексуального поведения и идентичности, семиотика современных торговых центров, комиксы о Супермене, фильмы ужасов, реклама, урбанистическая утопия Диснейленда, “феномен Барби” т. д.» (Усманова, 2001: 395).

Современное мультикультурное общество – конгломерат вынужденных существовать совместно групп, обладающий культурой с двумя диаметрально противоположными смыслами. С одной стороны, она подразумевает нечто

общее, что присуще каждому человеку, а с другой стороны, – то, что разделяет людей, отчуждает их друг от друга.

Мультикультурализм предполагает параллельное существование культур в целях их взаимного обогащения, проникновения и развития в направлении массовой культуры. Идея мультикультурализма главным образом актуальна в экономически развитых западных странах, где издавна наблюдался интенсивный приток иммигрантов и существовало смешение культур. Вопросы взаимодействия представителей разных этнических и социальных групп рассматриваются во всех сфера общества.

Известный отечественный ученый М.В. Тлостанова обращается к проблеме множественности культурных традиций и дает мультикультурализму следующую характеристику: «весьма противоречивое междисциплинарное явление, включающее идеологические, философские, художественные аспекты, и оперирующее в сферах антропологии, социологии, политологии, экономики, историографии, педагогики, наконец, литературоведения и философии. Это явление выступает в качестве выражения и одновременно, в какой-то мере, обоснования плюралистической культурной парадигмы, ставящей задачей предложить новое «идеальное» и часто утопическое видение в соответствии или по контрасту с активно дискутируемым идеалом общества и культуры «разнообразия» (Тлостанова, 2000: 8).

В современной социокультурной ситуации взаимодействие человека с различными культурами требует от него понимания, диалогичности, уважения к культурной природе других людей. Изучением данной темы занимались как отечественные ученые: А.А. Борисов, Т.П. Волкова, А.И. Куропятник, В.С. Малахов, так и зарубежные: A. Giddens, N. Glazer, Ch. Taylor.

«Нынешний интерес к проблеме мультикультурализма... связан с тем, что культурные различия в обществе, организованном в форме государства, не только не исчезают или сглаживаются, но, напротив, проявляют явные тенденции к нарастанию», – отмечает Г. Тернборн (Тернборн, 2001: 51).

Реалии межкультурных взаимодействий продемонстрировали важное значение реализации стратегии мультикультурализма, которая является своего рода ответом на устойчивое стремление преодоления монокультурности и моноэтничности на территории одного государства. Доминирующим принципом данного явления выступает признание равенства между культурами и индивидами, составляющими единый организм общества. Впервые в качестве государственной политики мультикультурализм был признан правительством Пьера Трюдо в Канаде в 1971 г.

Существует немало подходов к классификации мультикультурализма, раскрывающих и детализирующих смысл этого комплексного явления. Так, например, канадский философ У. Кимлика является наиболее известным идеологом либеральной версии мультикультурализма. Фундамент его теории составляет теория либерализма и ее концепция равенства прав и возможностей. К базовой системе ценностей У. Кимлика причисляет так называемые гражданские ценности, вырабатывающие общее поле для идентичности через чувство принадлежности к политической и социокультурной общности (Kymlicka, 2006).

Вопрос о предоставлении национально-культурным меньшинствам специальных дополнительных прав, по мнению ученого, является основной проблемой современности. У. Кимлика считает, что либеральное государство должно поддерживать базисные ценности культур таких этнокультурных групп (Kymlicka, 2006).

Современный мультикультурализм признает за культурными и этническими группами особые права, выраженные в предоставлении возможности различным общинам составлять собственные образовательные программы, строить школы, вести просветительскую деятельность, открывать библиотеки и объекты культового значения, выражать консолидацию своей политической позиции во время выборов.

Ч. Кукатас выделяет пять возможных вариантов реакции общества на проблему столкновения культурных парадигм: ассимиляторство, изоляционизм, жесткий мультикультурализм, мягкий мультикультурализм и апартеид. Изоляционизм представляет собой стремление государства сохранить существующие привилегии и социальную структуру. Ассимиляторство рассматривается теоретиком как альтернатива изоляционизму, заменяющая стратегию запрета иммиграции политикой культурного патронажа, при которой переселенцы вынуждены принять существующую систему ценностей государства и влиться в его культурное пространство. Апартеид – это дискриминационная политика, направленная на искусственную дифференциацию этносов и препятствующая межэтническому и межкультурному смешению. «Жесткий» мультикультурализм предполагает всестороннюю поддержку культуры меньшинств, ее поддержание и укрепление. «Мягкий» мультикультурализм пропагандирует поддержку всего культурного пространства, проповедует равное и ровное отношение к различным культурам, которые стремятся сохранить свое локальное своеобразие. Согласно Ч. Кукатасу, «там, где мягкий мультикультурализм является нормой социальной жизни, свобода ассоциации порождает открытое общество, членами которого легко могут стать представители других культур – за счет объединения с теми, кто к нему уже принадлежит. Аналогичным образом, те, кто входит в это общество, могут без помех жить в соответствии с собственными традициями либо как часть космополитического целого, либо как представители культурных меньшинств, связанных с остальными лишь в минимальной степени. Присутствие иных культур и традиций воспринимается толерантно, даже если эти традиции не согласуются с либерализмом и либеральными ценностями» (Кукатас, 2007).

Мультикультурализм, течение западной политической философии, возник как ответ на религиозное и культурное многообразие и отождествляется с политикой идентичности, ставящей своей целью изменение преобладающих представлений и мнений о маргинальных группах и преодоление пренебрежения

идентичностью культурных меньшинств. Главным требованием этого явления является преодоление дискриминации, которой подвергаются люди, относящиеся к различным социальным группам, обладающими статусом меньшинств.

Это интеллектуальное движение в разных проявлениях было направлено против экстремизма и расизма. В 90-х гг. XX в. был принят негласный моральный кодекс, согласно которому каждый автор, не желающий быть подвергнутым остракизму, обязан ему следовать. Высказывание недоверия относительно взаимопонимания между народами или диалога культур, проявление сомнения по поводу прав человека было равносильно скандалу. Из массовой информации исчезли содержащие предрассудки прошлого слова и высказывания: расизм, национализм, империализм. Традиционный прототип, воплощением которого являлся белый мужчина европеоидной расы средних лет, был вытеснен из обихода усилиями Иного, выступавшего в трех ипостасях: женщин, молодежных и цветных субкультур.

Численность самых разных религиозных и этнических групп после Второй мировой войны стала стремительно возрастать. Особенно велик был приток иммигрантов из Британской Индии, обретшей в 1947 году независимость в лице исламского Индии и Пакистана. Индийцы, в большинстве своем являющиеся по вероисповеданию индуистами, в силу своих культурных особенностей, добились не только экономического процветания, но и стали довольно мирно уживаться с коренными европейцами и другими пришельцами.

В начале массовой иммиграции в Великобританию мусульмане тоже были поляризованы на интеграцию в британское общество. Подобно индуистской общине Англии, исламская община была сформирована в основном из выходцев из Британской Индии: из Пакистана, а после обретения независимости Восточным Пакистаном и из Бангладеша. Интересен факт, что британские политики во многом сами способствовали и способствуют росту интереса к

своей религии у мусульман: местные власти Соединенного Королевства активно направляют средства на поддержание мультикультурализма.

Следующая проблема, рассматривающая происходящие в Великобритании в конце XX века процессы, касается темы изменения роли женщин в общественной жизни. В результате начавшегося еще в XIX веке феминистского движения против дискриминации по половому признаку, женщины завоевали равные с мужчинами экономические и политические права и приступили к успешному внедрению в мир бизнеса и политики, что вызвало масштабные исследования в области гендерных проблем и породило новое противостояние полов в социальной жизни. Следует отметить, что одной из основных сфер, где активность феминистского движения особенно велика, стала сфера языка. Так, например, в английском языке, по сравнению с русским, нет единого термина «человек», охватывающего и женщин, и мужчин, а существуют только два отдельных слова «мужчина» (a man) и «женщина» (a woman), причем последнее безусловно является производным от первого.

Еще одной существенной особенностью конца XX века стало появление различных молодежных организаций и течений, различного рода «революций» и «бунтов», приведших к интеграции и самоидентификации по возрастному признаку, что сопровождалось формированием определенных молодежных субкультур, противопоставляющих себя культуре старшего поколения, ранее доминировавшей в обществе. По ряду причин, несколько позднее произошло выделение еще одной отдельной группы – субкультуры подростков-тинейджеров (14-18 лет).

На волне усиливающегося в социуме либерального течения, связанного с апологией прав различных меньшинств и отдельной личности, особых прав и общественного признания стали требовать сексуальные меньшинства (трансвеститы, лесбиянки, гомосексуалисты) и другие социальные группы, считающие себя объектами насилия и дискриминации.

Таким образом, в современном обществе на сегодняшний день в целом сложилась ситуация, в которой идет речь не просто об этнических проблемах как таковых, а собственно о конфликте различных социальных групп – носителей тех или иных культур, разрешить которые призван мультикультурализм.

Современная английская литература в полной мере отражает многонациональное общество и проблемы понятия неизменной и особой британской идентичности. При упоминании литературного наследия Англии, многие воспроизведут образы Вордсворта, Диккенса и других подобных писателей, чьи произведения, чаще всего, называют классикой английской литературы. Именно эти канонические авторы – уроженцы страны, белые и, как правило, являющиеся мужчинами, погруженными в историю имперского права, устанавливали монополию на все «британское».

Появление в современной литературе Англии нового круга авторов, чьи произведения иногда очень трудно назвать традиционным текстом британского писателя, обращает пристальное внимание многих исследователей на главную тенденцию в развитии современной истории литературы, и в первую очередь – британской: ее стремление адаптироваться к новым условиям со всей гибкостью и податливостью, на которые она только способна.

Тема империяльного распада и его значения для многих миллионов людей становится одной из центральных как для английских писателей неевропейского происхождения, так и для ряда писателей-англичан. Произведения мультикультуралистов в равной степени принадлежат национальной и европейской культурным традициям. Сэр Малькольм Бредбери оценивал их роль и место в британском литературном процессе следующим образом: «Важное культурное достижение последних десятилетий, новый интернационализм в рамках британской литературы, тесно связано с возникновением в мировом масштабе постколониальных и мультиэтнических литератур. Это направление нашей литературы отличается от литературы стран Содружества, третьего мира или литературы этнических меньшинств тем, что писатели, о которых я сейчас

пишу (Шива Найпол, Салман Рушди, Бучи Эмечета, Тимоти Мо и Кадзуо Исигура), пишут о своих родных странах или о своем эмигрантском опыте изнутри британского литературного процесса, к которому они принадлежат. Такой интернационализм отражает несколько существенных особенностей современности: самоосознание молодых наций, легкость международных путешествий и коммуникаций, создание всемирного книжного рынка, повсеместное использование английского как глобального языка, возможность того, что ассимиляция в британскую культуру для тех, кто живет в Англии, больше не является недостижимым идеалом» (Bradbury, 1987: 94).

Анализируя тенденции британского мультикультурализма XX века невозможно не упомянуть о широком распространении постколониальной и кросскультурной английской литературы. Мультикультурализм и его выражение в литературе является актуальной, животрепещущей проблемой современного мира, потому как выявляет изменения взглядов на культуру в целом и на литературу в частности. Это явление присуще странам, не идущим по пути ассимиляции, а сохранившим и продолжающим культивировать свою уникальность и самобытность. В последние годы положение литератур этнических меньшинств сильно изменилось: они стали играть огромную роль в общем литературном потоке, что привело к пересмотру всего литературного канона в целом. Различные культуры, о существовании которых ранее мы и не догадывались, получили возможность реализовать свое собственное культурное пространство, а в литературном поле этнических меньшинств кросскультурная концепция привела к созданию своей особенной системы персонажей.

Выходцы из бывших британских колоний стремятся создать литературу на английском языке, пытаясь углубиться в культуру метрополии, осмыслить свою собственную культуру, современный мир и свое место в этом мире. Несомненно, появление таких писателей-мультикультуралистов, как К. Исигуро, Х. Курейши, С. Рушди, обладателей многих престижных литературных премий и наград, меняет представление об английской литературе, так как их творчество вводит в

новую литературу Великобритании ряд тем и мотивов, основанных чаще всего на традициях, мифах, этнических стереотипах народов Востока и не встречавшихся ранее ни в одном из европейских произведений. «Тематика, которой посвящены произведения таких авторов, их стиль, сюжет, многие элементы поэтики характеризуются «странностью», чуждостью для европейского читателя, поскольку ему приходится сталкиваться с традициями жителей бывших колоний, с особенностями их жизни и мировоззрения, а порой и решать проблемы межкультурной коммуникации, вступая в общение с носителями неевропейских культурных стереотипов» – утверждает известный отечественный исследователь О.А. Павлова (Павлова, 2012: 3).

Оригинальное соединение западных и восточных мотивов становится возможным благодаря активному применению писателями-мультикультуралистами постмодернистских техник письма: пространственно-временных смещений, фрагментарности повествования, введению интертекстуальности, гибридных, симулякральных персонажей и других приемов. Осмыслению творчества кросскультурных авторов «гибридной литературы» посвящены монографии и диссертации О.А. Павловой, О.Г. Сидоровой, С.П. Толкачева и других известных исследователей.

Таким образом, в современном мире вследствие реакции на тенденции мультикультурализма в литературе появляется потребность осознания английской национальной идентичности. Постмодернистские авторы, размышляя об истории, обращаются к феномену «Englishness» («английскости») и стремятся понять особенности и специфику английской культуры.

1.3. Символ «английской книги» как источник сюжетов и фундамент системы образов

Анализируя творчество писателей-мультикультуралистов, необходимо рассмотреть важные проблемы, связанные с темами памяти, истории и творчества как сублимата двух первых категорий: отражение различных исторических событий в творчестве, функция творческой личности в переходную эпоху, релятивность истории, взаимодействие родной и чужой культуры. Данные темы чрезвычайно актуальны и обретают все большее значение для современной кросскультурной литературы.

Ведущим жанром современной английской литературы, к которому обращаются мультикультурные писатели, выходцы из бывших колоний Великобритании, становится роман. По мнению исследователя С.П. Толкачева, можно выделить три главных фактора, способствующих распространению данной литературной формы в постколониальном мультикультурном пространстве: 1) репрезентативная природа романа; 2) многоязычная структурная сущность романа; 3) универсальность функции хронотопа в романе (Толкачев, 2003). Британский писатель С. Рушди дает в одной из своих работ следующее определение постколониального романа: «роман децентрализованный, транснациональный, интерлингвальный, межкультурный» (Рушди, 2010: 73).

Мультикультурный текст, возникающий в точке столкновения нескольких культур, безусловно, требует особого подхода. Исследователям и теоретикам необходимо принимать во внимание многие факторы, такие, как личность автора, его вероисповедание, воспитание и образование. Мультикультурный писатель – «современный этнограф своей собственной культуры и одновременно ее интерпретатор» (Толкачев, 2003: 12). Г. Чхартишвили отмечает, что «новая “восточнозападная” литература обладает явными признаками андрогинности: при одной голове у нее два лица (одно обращено к восходу, другое к закату), два сердца, двойное зрение и максимально устойчивый опорно-двигательный аппарат» (Чхартишвили, 1996: 258). Результатом творчества авторов-

мультикультуралистов становится появление так называемого «третьего пространства» культуры и литературы, которое представляет собой площадку для переосмысления сложившихся стереотипов.

Круг постколониальных и мультикультурных писателей на сегодняшний день довольно велик. В Канаде, Великобритании, Японии и США современную литературу олицетворяют выходцы со всех регионов и континентов бывшей колониальной империи: Африки, Ближнего Востока, стран Карибского бассейна и Юго-Восточной Азии. В литературе появляется новое поколение английских писателей, в творчестве которых переплетаются лучшие традиции Востока и Запада. Имена многих писателей-мультикультуралистов широко известны в читательской среде: Видиа Найпол, родившийся в Вест-Индии на острове Тринидад и являющийся лауреатом Нобелевской премии по литературе (2001); южноафриканский писатель и литературный критик Джон Максвелл Кутзее, проживавший долгое время в США, а затем эмигрировавший в Австралию, лауреат Нобелевской премии по литературе (2003), дважды лауреат премии Букер; Бен Окри – британец африканского происхождения, лауреат Букеровской премии (1991), сын индийского мусульманина Салман Рушди, получивший образование в Кембридже и ставший одним из наиболее влиятельных современных английских писателей; Ханиф Курейши – писатель и драматург, родившийся в Англии в семье восточных иммигрантов. «Произведения писателей-мигрантов, как становится ясно из их текстов, создаются с точки зрения эмоционального опыта социальной маргинальности и повествуют о той экстремальной ситуации, в которую каждый из них попадает в силу своей культурной двойственности» (Толкачев, 2003: 32).

Необходимо отметить, что понятие «постколониальная литература» несет в себе два основных направления: с одной стороны, произведения на английском

языке, написанные уроженцами бывших британских колоний, к которым можно отнести работы Дж. М. Кутзее, а с другой стороны, – творчество жителей Великобритании, не принадлежащих к белой расе, например, творчество С. Рушди.

Через противопоставление столь разных, на первый взгляд, произведений этих двух писателей можно прийти к общей модели мультикультурной литературы. Кутзее и Рушди представляют различные ментальные и языковые культуры, но родственным является тот факт, что они являются носителями культурной и исторической памяти нескольких народов.

История и творчество являются магистральными темами современного мультикультурного романа. Писатели выражают свой взгляд на исторические события сквозь призму образов своих героев, многие из которых наделены необычайным талантом. Через образ главного героя и творческой личности и Кутзее, и Рушди раскрывают характер исторического процесса – его эволюционность, революционность, переменчивость и так называемое оборотничество. При знакомстве с произведениями писателей-мультикультуралистов, читатель смотрит на тот или иной исторический период по-новому; смещая акценты в восприятии событий, авторы призывают нас к диалогу. Рассматривая творчество Кутзее и Рушди, можно обнаружить механизмы реконструкции событий в переломные моменты мировой истории, проследить, наиболее чувствительные для понимания различных явлений стороны творческой личности, которые скрыты от глаз обывателя.

Постколониальные писатели утверждают, что в современном мировом пространстве история стала предметом бесконечного спора. «На осколках Империи, в век сверхдержав, под "пятой" предвзятых упрощений ... мы более не в состоянии с прежней легкостью приходить к согласию относительно того, какими были события на самом деле», – отмечает С. Рушди (Рушди, 2010: 84).

Отдельной функцией в английской литературе обладает символика, которая связана с происхождением мифологических сцен, сюжетов, образов

«английской книги» и которая «обрисовывает идеологические соответствия западного знака – эмпиризм, идеализм, склонность к мимикрии, монокультурализм и продолжает традицию английского «культурного правления» (Bhabha, 1994: 105).

Английская книга, по мнению Х. Бхабы, показывает целостность и стационарность колониальной власти с ее логической способностью передавать и «размножать» культурное наследие Европы. Это своего рода обоготворяющий (фетишистский) знак, превозносящий посредством культуры эпистемологическую кардинальность и неуклонность европейского господства. Парадоксальным образом английская книга оказывается эмблемой «колониальной двойственности», подразумевающей астению колониального дискурса, его восприимчивую чувствительность к «миметическому» низложению. Колониальное фигурирование всегда двойственно, оно разделено между своей явственностью (фикцией) как характерным и властным и его озвучиванием как репликацией и разнообразием. В основном вычисления Х. Бхабы – подражательное перечитывание европейского неоструктурализма. Другими словами, доказательства исследователя основываются на положениях гибридной маскировки или повторении существующих «английских книг» (Bhabha, 1994).

Знаменитые классические образы британской литературы у мультикультурных писателей обретают масштабы философского рода. Например, Калибан у Джорджа Ламминга – «изгой, который навечно прикован к месту и действует ниже порога возможностей», он – «случай, состояние бытия, которое может быть приспособлено и подвергнуто эксплуатации в соответствии с целями развития другой личности» (Lamming, 1984: 107). То есть мультикультурный писатель оценивает образ Калибана как существо, которое имеет свою историю, полученную в результате личных физических стараний. Итак, Дж. Ламминг реализует высказанную им же самим идею о потребности

(необходимости, нуждемости) «взорвать старый миф Просперо» новой «христианизацией языка».

Становится понятной связь колониального аспекта истории английской литературы с современной действительностью, с постколониальной теорией и мультикультурализмом как главным фактом синкретизации разнообразных исторических, культурных и литературных причин многослойной жизни современной Европы при серьезном влиянии на него культуры Востока. Исследование актуальной английской литературы через призму мультикультуризма предоставляет шанс довольно нового, более диалектичного мнения на феномены, связанные, преимущественно, с неоднородным представлением культурной единственности. Мультикультурное мировидение, которому соответствует художественный язык, особенность жанровой природы произведений писателей-мигрантов, становится одной из главных форм познания, которое возникает на полях царящей культуры, что может применяться для переосмысления глубоких и множественных мультикультурных явлений. Они составляют этнокультурное разнообразие, которое лежит в основе опыта людей, нередко признававших невозможным установить свою идентичность через политические и культурные коды, которые характеризуют главную культуру.

Мультикультурализм предстал как независимое явление в постколониальном пространстве и устоялся в контексте актуальной английской литературы. При этом роман на английском языке стал причиной содержания и фундаментом системы образов, отражающих мультикультурную реальность (Bhabha, 1990). Особенность и природа мультикультурной книги заключается в том, что он является преобразователем универсального языка межкультурного контекста и совмещения культур и посторонних этнических систем (Owusu, 2000).

Все это равным образом является причиной сюжета мультикультурной книги, его мифологии и «историографической метапрозы», а образ метрополии в

нем ориентируется на основе мультикультурного хронотопа, где появляется необыкновенное переплетение и смешение реальных и вымышленных топосов (Boehmer, 1995).

Язык в этом случае бесспорно выступает как основа межнационального мышления. Однако в процессе приспособления к новым культурным ценностям и реалиям английский язык в данной ситуации не может избежать различных метаморфоз и становится в итоге средством разрушения исторического метанарратива (Gray, 1986).

Исходя из вышеуказанной проблемы российский литературовед С.П. Толмачев на примере произведений Х. Курейши и С. Рушди анализирует образ «перевода» как средство передачи мультикультурных реальностей в жанре романа. Он обращает внимание на «проблему самоидентификации героя и саму парадигму гибридности в мультикультурном социуме, соотношение массового и элитарного, а также своеобразие гибридного характера в контексте истории» (Толкачев, 2003: 97).

До 70-х годов XX века считалось, что термин «английская литература» означает прежде всего литературу, создающуюся в области Британских островов. Произведения крупных писателей, которые жили вне Англии, не изучались английской интеллигенцией (в пределах английской традиции). А литература США обособилась, поскольку имела собственную историю (Толкачев, 2003: 291).

Взгляды на англоязычную литературу со второй половины XX века поэтапно испытывали изменения. Критиков заинтересовали австралийская литература и произведения писателей стран Карибского бассейна (Вест-Индия), Африки и Азии, которые получили независимость в результате исторических и политических изменений.

В ряде университетов Канады, Австралии, Южной Африки открылись курсы по африканской, ирландской и канадской литературе. Книги, которые были написаны региональными авторами, повествовали о культурном диапазоне

данных «младолитератур». Содержание этих произведений, их тематический стиль опирались на оригинальность характеров, которые не всегда находили отклик у европейского читателя. В этом случае потребитель современной литературной продукции сталкивался с таким фактором как социальные образы англичан, описанные жителями бывших колоний.

Возрастающее влияние международных литератур на английском языке становится ярким примером таких культурных и политических событий, как распад Британской империи, появление в мировой культуре новых наций, истощение (ослабление) связей внутри стран Британского Содружества, признание независимости в бывших колониях, ответ на попытки возвышения США над другими странами.

«Английская культурная традиция не является господствующей за пределами Британских островов, и она не в состоянии поддержать ту или иную элиту, подверженную британскому влиянию» (Sanga, 2001: 103). Уничтожение устоявшегося представления об английской литературе выражало нарастающее дробление англоговорящего мира. Утрата целостности национальной культуры влечет за собой признание того, что принятие ярко выраженных качеств разнообразных национальных культурных традиций и различий стало актуальной реальностью.

Писатель, который представлял собой малую нацию, встретил сложную задачу, когда приходится писать на языке - посреднике. Ему было необходимо примирить «чужое» – язык колонизатора и национальный язык, предоставляя его новому поколению читателей.

Освоение туманного Альбиона в последние десятилетия XX века огромным количеством бывших колоний и привело к возникновению новых пластов литературы. Эти «новые англичане», ассимилируя традиционную культуру, непроизвольно вносят архетипы своих наций, что «проявляется на различном уровне и в различной степени гибритизированности их литературных

произведений, которые очень трудно иногда назвать традиционным текстом британского писателя» (Толкачев, 2003: 197).

Выводы по ГЛАВЕ I

В результате рассмотрения теоретических основ мультикультурализма в современном пространстве и процесса становления мультикультурного контекста современной английской литературы был сделан ряд выводов.

1. Современное определение «мультикультурализма» является одним из основных категорий социальных наук. Мультикультурализм представляет собой отражение социума, характеризующегося разнообразием культур, и принцип культурологии, состоящий в обязательном условии мирного сосуществования представителей разных рас и религий. Культурное многообразие современного общества заключается не только в этническом разнообразии, но и в наличии различных культурных течений, ориентаций и жизненных стилей. Мультикультурализм делает акцент на формировании норм и правил, установленных с целью создания единого социального, правового, экономического поля, единого общества.

2. Вопросы о возможных средствах адаптации различных культур друг к другу, методах и механизмах регулирования взаимоотношений между разными странами и народами нашли отражение в современной английской литературе. Исследование современной литературы Великобритании сквозь призму мультикультурного контекста предполагает гетерогенную репрезентацию поликультурной идентичности. Мультикультурное мировоззрение, характерный художественный язык и индивидуальность жанровой природы английской литературы становятся одной из основных форм и способов познания, формирующихся в пространстве доминирующей культуры, и позволяют

рассмотреть сложные, разнообразные, поликультурные реалии, которые составляют лежащее в основе человеческого опыта различие.

3. Особую роль в формировании определения мультикультурного контекста современной британской литературы играет символ «английской книги» как фундамент системы образов и источник различных сюжетов. Ведущим литературным жанром, ставшим объектом эстетических стремлений и творческих усилий кросскультурных авторов, выступает роман. Одной из главных отличительных особенностей мультикультурного текста является его гетероглоссная природа, отражающаяся в переплетении множества голосов и этнокультурных тональностей, являющихся полифоническим эффектом романа.

ГЛАВА II. Специфика реализации мультикультурного контекста в произведении Себастьяна Фолкса «Неделя в декабре»

2.1. Образ Лондона в романе «Неделя в декабре» как основа мультикультурного хронотопа

Одним из наиболее важных аспектов исследуемой проблемы является феномен превращения литературных текстов метрополии и ее колоний в «содержательные культурные документы», в которых исследователь как этнограф способен найти доказательство взаимного влияния метрополии и маргинальных сообществ. В этом взаимодействии в произведениях писателей-мультикультуралистов особое место занимает хронотоп мегаполиса как символ мультикультурного пространства. Столица метрополии становится для литератора чем-то большим, нежели просто городом. Она наделяется характеристиками топоса, где сходятся различные культуры и группы с целью произвести на свет нечто интересное и качественно новое. Город образуется как текст, где в интертекстуальной связи переплетаются литературные аллюзии и многочисленные реальные факты, в результате чего складывается полуфантастический образ мегаполиса – модель единой Вселенной, мультикультурный котел, вместилище всех и вся, в котором смещаются, расширяются границы времени и пространства, сталкиваются различные эпохи, народы из самых удаленных точек земного шара, различные исторические веяния.

В творчестве современных английских писателей-мультикультуралистов Лондон, выступающий как город, мегалополис, метрополис и центр бывшей британской колониальной империи, является не только полноправным персонажем, способным влиять на события, но и сложным семиотическим

механизмом. Выдающийся отечественный филолог и культуролог Ю.М. Лотман утверждал, что мегаполис – это «генератор культуры, ведь он не что иное, как собрание текстов, кодов, интерпретаций и мыслей. Причем этот механизм находится в состоянии постоянного изменения, преобразования. Он заново «рождает» свое прошлое, которое соплагается с настоящим. В этом случае город, как и культура, – механизмы, способные противостоять времени» (Нестерова, 2000: 152).

Одним из наиболее ярких произведений современности, раскрывающих бурлящее течение жизни в Лондоне, является роман известного британского писателя Себастьяна Фолкса «Неделя в декабре» (Faulks, 2010). Автору словно удалось сделать мгновенный снимок современного бытия, воссоздать своего рода «Войну и мир» начала XXI века.

Лондон является не только мультикультурным, говорящим на всех языках и исповедующим все религии мира, но и современным, живущим в быстром темпе, городом. Себастьян Фолкс детально воспроизводит картину реальной жизни мегаполиса сегодняшнего времени, делая акцент на высокий уровень экономического развития метрополии:

Five o'clock and freezing. Piledrivers and jackhammers were blasting into the wasteland by the side of West Cross Route in Shepherd's Bush. With a bare ten months to the scheduled opening of Europe's largest urban shopping centre ... This was not a retail park with trees and benches, but a compression of trade in a city centre, in which migrant labour was paid by foreign capital to squeeze out layers of profit from any Londoner with credit (p. 1).

Автор не только указывает на факт взаимодействия мигрантов и жителей Лондона, но и раскрывает одну из основных причин прибытия представителей других стран в столицу Великобритании – наличие работы, оплачиваемой зарубежным капиталом.

Себастьян Фолкс стремится раскрыть мультикультурность современного лондонского мира, показать разные уголки этого будоражащего мегаполиса:

At their new 'Emirates' Stadium, meanwhile, named for an Arab airline, Arsenal of North London were kicking off under floodlights against Chelsea from the West, while the goalkeepers – one Czech, one Spanish ... and only a few streets away from the Boleyn Ground, with its East End mixture of sentimentality and grievance, a solitary woman paid her respects to a grandfather – come from Lithuania some eighty years ago – as she stood by his grave in the overflowing cemetery of the East Ham Synagogue (p. 1).

Роман отображает неразрывную связь времени и пространства, заключающуюся в их единстве взаимосвязи и взаимовлиянии. Пространственно-временной континуум соотнесен с историческими событиями, происходившими в Лондоне: начало футбольного матча команд Северного и Западного Лондона, одна из которых носит название арабской авиалинии «Эмираты», завершение другого матча в Аптон-парке и происходившие через несколько улиц похороны пожилого мужчины, перебравшегося в метрополию около 80 лет назад. Писатель подчеркивает национальную принадлежность вратарей команд: один чех, другой – испанец, определяя тем самым мультикультурный состав английских команд.

Создаваемое автором художественное пространство произведения представляет некую модель, картину мира, в котором происходят действия. Себастьян Фолкс обращает особое внимание читателей на инженерно-строительные составляющие столицы:

... the miracles of London engineering that no passenger would ever glimpse: the corbelled brickwork through which the tunnels had been cut or the giant steel joist that held up a five-floor building above the entry to the platform at Liverpool Street (p. 3).

Новеллист раскрывает колоссальность лондонской архитектуры, величие и неповторимость инженерного искусства города. Сегодняшний Лондон представляет собой активный, динамичный, мультикультурный мегаполис, который ассоциируется с пэчворком – изделием, сшитым по принципу мозаики из разноцветных лоскутков. Такими элементами, участвующими в создании «лоскутного одеяла», являются и этнические кварталы Брикстона, Сохо,

Ньюхэма, и эпатажный Кэмден, и фешенебельный Челси. Город-гигант одновременно завершает цивилизацию и воплощает ее культурную уникальность в конкретных особых формах архитектуры.

Писатель отмечает, что Лондон как топос – это некоторым образом урбанистическое организованное пространство: геометрия застройки, здания и сооружения, топография площадей и улиц. С целью доказать этот факт Себастьян Фолкс прибегает к детальному описанию различных районов метрополии:

... the bookmaker`s garish temptation, the pizzeria, the low cost supermarket and the clothing chain, the numerous pubs, the park, the dual carriageway, the famous red and gold burger outlet (p. 3).

В произведении «Неделя в декабре» автор рассматривает отдельные рынки, площади, улицы и дома Лондона как части целого, как части единого городского организма. В официально-деловой области мегаполиса слышно сердце огромного существа, в движении и суете толпы можно увидеть циркулярную систему, в телефонных линиях и электрическом освещении – непрерывно работающую нервную систему организма, в административном центре находится контролирующий действия разум, а чувства и стремления граждан метрополии отражают внутренний мир Лондона.

Мультикультурная литература дает читателям ясное представление о пространстве тех стран, из которых происходят те или иные субъекты, однако это не предполагает четко-обозначенную вербальную реальность топоса, запрятанную глубоко в подтексте. В городском пространстве романа Себастьяна Фолкса как будто действует иная знаковая система, другой отсчет, иной взгляд. По мнению представителей различных стран, проживающих сегодня в столице Британии, мультикультурный «плавильный котел» Лондона создает новый, «придуманый» в сознании каждого эмигранта мир. Литератор фиксирует новое явление социокультурного пространства как признак наступающей глобализации: интернационализация и космополитизация мегаполиса,

сближение районов по своим жизненным стереотипам и смешанному мультикультурному составу, их слияние в единый универсальный мегаполис. Автор раскрывает культурное многообразие нового подрастающего поколения на примере школьного класса, в котором работал один из главных героев произведения Рэдли Грейвс:

The GCSE class came in, as it willed: Aaron, Abir, Alex, Arusha, Ben, Darryl, David, Ezra, Ian, Jasmine, Jordan, Ladan, Laila, Marcus, Mehreen, Michael, Nathan, Nawshad, Nooshin, Ocado, Paul, Pratap, Rubina, Ryan, Sangita, Sherin, Simon, Zainun (p. 139).

Отталкиваясь от происхождения данных имен, можно проследить явление мультикультурности как ученического коллектива, так и столицы Великобритании в целом. Жизнь в небоскребно-трущобном метрополисе, становится воплощением процесса слияния различных культур, рождения новой этнокультурной сущности.

Себастьян Фолкс отождествляет также Лондон с футбольной командой, а состав населения – с игроками:

Charles Watiyah, a giant Liberian, Vladimir Stoev was a Bulgarian, Ali al-Asraf, the Egyptian, a small African, Danny Bective, the English player (p. 172).

В этом коллективе, как и в метрополии существуют свои законы, устав, традиции и обычаи:

All the players began laughing, and the one next to Spike came up to him and flicked his ear, hard, with the thumb and forefinger of his right hand. Then every player in the circle came up and did the same thing (p. 174).

Стремление автора кросскультурного произведения изобразить специфику нового пространственного положения, в котором находится эмигрант, безусловно, отражает борьбу между употреблением стандартного английского языка и различными формами английского, посредством мимикрии и взаимного приспособления языка хозяина к языку меньшинств. Себастьян Фолкс

затрагивает одну из наиболее актуальных проблем современности – проблему адаптации личности к чужой стране и ее культуре, а в первую очередь – к языку:

Borowski looked up `bib` in his Polish-English dictionary, where it offered `śliniaczek`. His English-English dictionary defined bib as `child`s food guard`; though `bib v` was also defined as `drink alcohol to excess`. He`d heard a lot about English footballers` habits, but he didn`t think the manager would kick off a training session by drinking to excess. Afterwards, maybe (p. 170).

Индивидуальное использование языка является не только проблемой «техники», но и способом формирования содержательной субстанции, по которому можно судить о концептуализации лондонской действительности и определить особенности английской культуры.

Благополучное проживание мигрантов требует от всех жителей Лондона, независимо от их этнической принадлежности, не только основ доминирующей культуры, но обязательного знания английского языка.

Необходимо отметить, что незнание чужой культуры и языка может привести не только к недопониманию людей, но и неправильному представлению о жизни и традициях той или иной страны. Так, в примере, указанном выше, новый игрок английской футбольной команды Челси, поляк «Штык» Боровски, имеет языковой барьер в силу недавнего приезда в Великобританию. Он пользуется различными словарями, однако недостаточное знакомство с культурой и языком, вызывает некоторое замешательство у футболиста и наводит на мысль о существовании привычки футболистов принимать перед началом тренировки алкоголь.

Себастьян Фолкс рассматривает тему адаптации инакомыслящих, инаковерующих, соблюдающих все религиозные обряды и исповедующих ислам:

No kafir or Jew would ever understand just how spiritual and how demanding Islam really was; in the marrow of its being it meant that every breath and every thought you had was touched by the divine. Hassan`s difficulty was that as a native

Scotsman, resident there or in godless London all his life, he was saturated with British culture (p. 160).

Культурная адаптация мусульман представляет собой длительный и кропотливый процесс. Стоит подчеркнуть, что пространство Лондона рассматривается с двух позиций прагматической оценочности: как благоприятное и как враждебное для человека, позволяющих продемонстрировать дуальный характер мультикультурализма. Один из главных героев романа, Хасан аль-Рашид, почитавший ислам и Коран, не только отрицает возможность его адаптации к чуждой культуре, но и имеет негативное отношение к Англии и всему, что с ней связано:

It's quite ironic, isn't it? That you should be an officer of the empire that conquered and partitioned your homeland (p. 59).

Лондон – это, несомненно, город колоссальных возможностей, однако, если человек слаб, столь огромная метрополия подомнет его под себя и раздавит. Это достаточно характерный сценарий для современных английских произведений, и данный компонент лондонского текста присутствует и в романе «Неделя в декабре». Хасан, считающий себя правоверным мусульманином, утверждает, что британская столица развратила его, лишила моральных принципов; герой выражает недовольство по поводу распушенности коренных жителей современного мегаполиса и часто употребляет слово «неверный». Исламские фундаменталисты, принадлежащие к радикальным организациям, представляют Лондон как город неверных, с которым необходимо вести войну.

Для мусульманина городское пространство стало рингом, на котором ему пришлось отстаивать свое право на достойную жизнь и работу, соблюдение своих традиций и исповедания своей религии. В своем произведении Себастьян Фолкс создает безрадостную картину современного Лондона, в котором, несмотря на соприкосновение и множественность народов и культур, люди с неевропейской внешностью, родившиеся и прожившие несколько десятилетий в Англии, так и остаются чужими. Писатель демонстрирует отношение

окружающих к Хасану, чьи родители являются уроженцами Пакистана, покинувшими родную страну и перебравшиеся в Великобританию в поисках лучшей жизни:

He was made aware that his skin was of a different colour from that of his pasty classmates. By the age of eleven – a slight, black-haired child with wide brown eyes... He was astounded when a prematurely developed Scottish classmate punched him in the solar plexus at break time (p. 107).

Себастьян Фолкс пишет, что Хасан сопротивлялся как мог, но в то же время он с горечью замечает, что выделяться среди других – невыгодная позиция для молодого пакистанца, ведь против армии в одиночку не выступишь.

Писатель знакомит нас с биографией известного американского писателя еврейского происхождения Сола Беллоу, являющегося живым результатом социальных сдвигов и гонений, происходящих в мультикультурном пространстве современной Великобритании:

Bellow, as a Canadian-Russian Jewish immigrant to Chicago, could say things like that because he was himself the human outcome of persecution and upheaval. This gave him an advantage and an immunity (p. 122).

Автор подчеркивает тот факт, что по жилам представших в произведениях Беллоу героев течет трагедия века, заключающаяся в стрессах и стремлениях обитателей затерянного в огромном городе мигрантского мира к их уважению и признанию коренными жителями мегаполиса и всей Англии.

Таким образом, можно охарактеризовать мультикультурное население современного Лондона как общество с неоднозначными межрасовыми отношениями и существующими в нем смешанными, переходными идентичностями. На страницах романа «Неделя в декабре» Себастьян Фолкс также высказывает свою точку зрения о проблеме колониализма, жестоком поведении и обращении с людьми:

The Protestants of Portadown used their brute numbers to suppress the Roman Catholics – whose kitsch little shrines, on the other hand, being all they had, were

entitled to protection. Sometimes Hassan worried that this was a perverted kind of colonialism – little better than the French Empire (p. 113-114).

Объектом изображения в произведении становится процесс современной колонизации новыми гражданами Лондона из стран содружества столичного мегаполиса Англии как воплощение феномена, названного «империализмом задом наперед». Автор обращает внимание читателей на процесс становления нового, отличного от старого мегаполиса:

... three new-identical roads of modest houses built for another London, a place long gone. He sometimes tried to picture those first tenants: manual workers who commuted to the smog-producing factories of Bermondsey or Poplar, then returned at night to their modest white enclave; but it was hard to imagine them now in these car-lined streets: that homogeneity was not in nature any more (p. 18).

Многомерный, многоликий тоpos столицы – важнейший фактор в процессе становления мультикультурной идентичности. Анонимность, исчезновение границ между «своим» и «чужим», опорных знаков-символов цивилизации подчеркивается новым видением художника, сформированным сдвигом гендерной и культурной природы героя, разногласием естественных чувств, связанных более с ситуационным влиянием публики, которая поклоняется попкультурным фетишам, нежели с безнравственной наследственностью.

2.2. Смешение культур и этнических систем в произведении Себастьяна Фолкса «Неделя в декабре»

Последний роман С. Фолкса «Неделя в декабре» представляет широкую панораму современной жизни Лондона, протекающей в рамках одной декабрьской недели, увиденную десятью разными персонажами, чьи пути

переплетаются весьма интересным образом. Данное произведение является кладезем примеров мультикультурного общества сегодняшнего времени.

На первых страницах романа автор знакомит читателей с одним из главных героев – молодым барристером Габриэлем Нортвудом. Сквозь призму подготовительного процесса юриста к предстоящему делу Себастьян Фолкс раскрывает реальную картину лондонского мира, а именно – взаимоотношения разных культур и религий:

Almost immediately, a second brief had followed: from a local education authority being sued by the parents of a Muslim girl in Leicester for not allowing her to wear traditional dress to school (p. 2).

Однако, помимо изображения все еще существующей дискриминации инаковерующих в Великобритании, новеллист подчеркивает образованность и воспитанность коренных англичан, стремящихся ознакомиться с чужой культурой, понять ее:

... Gabriel thought he might as well try to understand the faith whose demands he was about to encounter; and any educated person these days, he told himself, really ought to have read the Koran (p. 2).

В процессе исследования различных религиозных традиций и обычаев Нортвуд проводит сравнительно-сопоставительный анализ основных мировых религий – христианства и ислама:

He suspected that some demagogues wanted to inflame and some to soothe, but probably neither told the truth of what was really in the book. He had wanted to know, for instance, how strict it was on the alcohol question. How much of a problem anyway had liquor been in Medina and Mecca in AD 630? It seemed odd, also, that Jewish and Muslim dietary laws - pork, shellfish, milk - seemed to follow the logic of hygiene in a hot country, but on drink the religions so dramatically diverged, with Muslims going dry and Christians giving their Messiah the supply of top wine as his very first miracle, at Cana ... (p. 85 – 86).

Молодой адвокат пытается не только рассмотреть отличительные особенности ислама, но и сформировать собственное мировоззрение, свое отношение к ценностям, нормам, взглядам иной религии. Автор раскрывает процесс осмысления и понимания Габриэлем «чуждой» культуры. Барристер, углубляясь в исследования сущности ислама, выражает свое недовольство и негативное отношение к нему:

Gabriel Northwood spent Wednesday morning with his feet up on the desk reading the Koran. 'What a bastard,' he muttered under his breath from time to time. 'What a bastard ...'

He had always thought of the Old Testament as giving the most implacable and unsympathetic portrayal of a divinity. Jahweh, or Jehovah, the god of the Jews and their Exodus and their dietary laws and bloody battles against the other Semitic tribes; Jahweh the god of exile, punishment, bloodshed, plagues and slaying of the firstborn ... He had surely set a standard of intransigence. Yet compared to the Koranic divinity, he was beginning to feel, old Jahweh was almost avuncular.

The god of the Koran brought with him neither the great stories of the Old Testament (though he referred back to them) nor the modern life-guide of the New. What he did offer was his own words, ipsissima verba, mouthed by the Angel Gabriel, remembered and transcribed verbatim by the Prophet. And over nearly 400 pages, the principal message seemed a simple one: believe in me or burn for all eternity. Page after page (p. 193).

Наиболее яркими представителями мусульманской религии, запечатленных в романе, являются члены семьи аль-Рашид. Главой семьи предстает пакистанский иммигрант, примерный семьянин и проповедник ислама, Фарук аль-Рашид. Фарук является иммигрантом первого поколения, почитавшим традиции и обычаи своей культуры. Автор называет пакистанца «занудой во Аллахе», тем самым раскрывая верность героя собственной религии. Себастьян Фолкс обращает особое внимание читателей на образование и воспитание Фаруком своего сына:

At home, his father sang him traditional songs and read to him from the Koran... He (Hassan) went to the mosque and prayed, while few of the 'Christians' bothered with religion, unless you counted a week-long alcohol binge at Christmas (p. 105).

Кроме того, ислам представлен писателем в качестве особого символа, помогающего Фаруку противостоять проблемам, возникшим в силу его культурной принадлежности:

His faith enabled him to ride over financial turbulence and local hostility, because he knew there was a truth that lay beyond cash flow and VAT, deeper than the prejudices of some of the people he dealt with (p. 106).

Тем не менее, для сына пакистанского иммигранта Хасана религия не несет в себе столь важного значения: становление его мировоззрения и формирование отношения к исламу происходит под влиянием как окружающего социума, так и собственного возраста. Молодой парень в силу своего юного возраста осуждает жителей, а в особенности, представителей христианства, живущих с ним по соседству с самого его рождения:

Where Hassan had grown up in Glasgow, the Christians (he hadn't by then adopted the word 'kafir') blasphemed and drank and fornicated, though most of them, he knew, still more or less believed. They were unfaithful in hotel rooms, but they got married in churches. ... Now you could read statistics in newspaper surveys which confirmed what anyone could see: that they'd given up God. And barely a kafir seemed to have noticed. The conviction that the rest of the world lived in a dream was one that grew in Hassan each day (p. 15).

Несмотря на разгульный образ жизни христиан, Хасан, не способный противостоять собственным желаниям, связывает свою жизнь с молодой кафиркой:

At the age of nineteen, before he became religious, he had had a kafir girlfriend, a white Londoner called Dawn who was in the same year at college. ... Although his understanding of Islam forbade Hassan physical contact, no amount of prayer could quell his twenty-one-year-old desires (p. 54).

Его возлюбленная Шахла, дочь иранского бизнесмена, представляет собой современное поколение, предпочитающее быть не похожими на своих родителей, следовать атеистским мировоззрениям и оставаться в стороне от религиозных доктрин:

Shahla herself was an atheist, having followed neither her mother's Anglo-Judaism nor her father's selective version of Islam (p. 17).

Затем писатель повествует о том, что Хасан, как и остальные студенты мужского пола, относится с уважением к молодым мусульманкам и к сделанному ими выбору в пользу своей религии и культурных традиций:

There were a large number of Muslim girls at his college and when some of them took to wearing the hijab, he supported them, as did the other serious male students (p. 53).

В противовес личной жизни юноши Себастьян Фолкс затрагивает одну из наиболее актуальных современных проблем – терроризм. Новеллист указывает на болезненно проходящую адаптацию Хасана, молодого юноши, отличающегося цветом кожи, религией, обычаями и традициями, к лондонской жизни, поведению коренных жителей:

God knows, it hadn't been easy, what with his different-coloured skin, the complication of his parents' relative wealth - to say nothing of their religion and of being always in a minority. And then in the LSG he had found people of like mind to whom these superficial things were of no interest because they were all just citizens of a multicultural world. And now ... Jock (p. 114-115).

Помимо личной неприязни у Хасана возникает чувство солидарности со своими этническими собратьями. Социальная неустроенность молодого человека, его раздражение от столкновения с западным стилем жизни заставляет его встать на путь радикального ислама:

Although the individual parts that made up the bombs were easy enough to find and buy, he was aware that the grimiest corner shops these days had CCTV cameras.

He was therefore spreading his custom right across London, one bottle at a time (p. 15).

С. Фолкс указывает на острые противоречия между обществом и личностью в рамках различных рас, классов, способность индивида поддерживать жизнедеятельность в неблагожелательном городе, на отрешенность иммигрантов из бывших английских колоний, на болезненность осуществления процесса ассимиляции прибывших в социуме Великобритании, на травмированность сознательности и понимания мигрантов, пришедших с «чуждых» земель.

Хасан становится участником джихада и процесса подготовки к террористическим актам:

Today, he was going to meet for the first time the people with whom he was to wage jihad. The most famous group at this level of activity, boasting that it had precipitated coups in African states as well as fighting in Bosnia and Kuwait, was Hizb ut-Tahrir; but the alliance to which Hassan now belonged claimed to talk less than Hizb and to bomb more. It was called Husam Nar... (p. 47).

Автор романа раскрывает убеждения молодого «Джока», заключающиеся в высказывании, что вера разобщает людей, делает их врагами и является тормозом социальной эволюции:

I lost interest in religion when I was at school because I felt it was divisive. It was pushing me away from my friends and making a foreigner of me. My experience of politics at college underlined this. It made religion look kind of tribal and a drag on progress which was to get people to understand how exploitation works, how economic systems are geared, how the US runs the Middle East, etc. (p. 116).

Однако, такое мировоззрение всецело противоречит взглядам и принципам его отца. Фарук аль-Рашид, несмотря на свое происхождение и трудности, связанные с его культурой и религией, добился высокого материального положения благодаря труду и настойчивости:

Farooq al-Rashid had started his first factory at Renfrew in Scotland twenty-two years ago, in the month of Hassan's birth. He himself had come to Britain as a thirteen-year-old in 1967. ... His business interest, however, was not in textiles but in provisions, and he quickly saw that food from the subcontinent might be sold not only in cheap restaurants but through supermarkets to a population becoming interested in strong-tasting, foreign dishes. It took him more than ten years of hard work and saving to assemble the money, the staff and the ideas East, etc. (p. 57-58).

Несмотря на низкий уровень благосостояния большинства мигрантов, некоторым этническим группам приезжих из различных стран осуществили возможность удачно слиться со сложным и громадным организмом метрополии и достигнуть всестороннего процветания.

Тем самым приток многочисленных масс мигрантов с периферии бывшей Британской империи в конце XX века с целью заполучить более выгодные позиции в Лондоне, способствовали возникновению новых рыночных сил, интернационализировавших английскую культуру.

Межкультурный мегаполис становится неотъемлемой частью глобальной информационной стихии. Такой большой город с многовековой историей как Лондон выступает хранилищем неизмеримого объема информации. Благодаря возможностям ее передачи, накопления, воссоздания и реконструкции в соединении с техническими средствами и человеческими ресурсами, необходимыми для преумножения и распространения данного культурного наследия, метрополия способна передавать высокоразвитую культуру английского общества от поколения к поколению. Все ранее существовавшее в лондонском культурном пространстве становится национальной памятью города, генетическим кодом поведения людей.

Городская жизнь становится проводником к доступу к глобальному культурно-информационному полю, одновременно отображая определенные настроения, характерные для жителей мегаполиса: спешку, суету, отсутствие целей, отчужденность и отрешенность, поверхностность в общении. Душевное

состояние всего Лондона состоит из темперамента этнических групп, их культур, месторасположения самого города и многих других факторов.

Таким образом, пакистанский бизнесмен Фарук аль-Рашид не только нашел свое место в чужой стране, добился поставленной цели, обеспечил семье беззаботное будущее, но и сохранил свои собственные обычаи, свою веру:

He had married the most beautiful girl in Bradford, sticking to Mirpur traditions by choosing a bride whose parents were from the same village as his own, and they had a dark-eyed handsome son – the apple, or the lime as Farooq put it, of his father's eye (p. 58).

С. Фолкс обращает внимание читателя на выражение мысли родителей-мигрантов по поводу светлого будущего своих детей, искренне надеющихся на уготовленную им иную жизнь, лишенную бед и разочарований:

When Hassan was a child, Nasim believed he would do the things that had been denied to her and Kocker, because their families had been immigrants. The education both of them received had been rudimentary, and the job prospects grim for people of their background in post-industrial Bradford. But Hassan ... Born speaking English, and born beautiful, too, with his long black lashes and his bowed upper lip: the only son of a family that cared for him so deeply and had somehow stumbled on the money to provide for him - surely with his natural intelligence he was destined for greatness, or, at the very least, great happiness (p. 217).

Назима аль-Рашид мечтает избавить своего сына от изнурительных попыток выживания в Англии, которые она не раз совершала с мужем, обеспечить Хасану беззаботное будущее, наполненное положительной энергией и счастьем:

By giving Hassan all the advantages that she and Kocker hadn't had, she believed she would remove him from friction, place him in a comfortable mainstream where he could use all his energies to flourish and waste none of them, as his parents had, on the attritional business of surviving (p. 218).

Раскрывая тайну Фарука аль-Рашида, писатель обращается к проблеме низкой образованности иммигрантов. Дети небольшого класса вынуждены были пожертвовать собственным образованием в пользу материального благополучия:

One of Knocker al-Rashid's secrets was that he himself could barely read. His family had been illiterate on both continents and had no books in the house. At the secondary modern school he had attended near Manningham Lane, the Yorkshire boys were destined for manual jobs in factories or in building trades, so didn't care about lessons. The children in the small immigrant class in which he was placed were too busy learning how to speak English to have much time to read it (p. 59).

В данном произведении тема образования занимает особое место, поскольку образование играет в жизни человека поистине судьбоносную роль. На примере низкого уровня образованности Фарука аль-Рашида можно проследить различия в процессе адаптации разных поколений к социальным условиям новой культуры.

Несмотря на свое неанглийское происхождение, дочь иранского бизнесмена Шахла не только получила высшее образование, но и достигла огромных успехов в области различных наук, отстаивая права мигрантов на равные условия образования и участия во всех образовательных мероприятиях наряду с гражданами Великобритании:

The French professor had persuaded her to take a second degree after her success in the first, and now she saw a pathway into the academic world beginning to open up before her feet. She had agreed to do a PhD on the poetry of the surrealist Paul Eluard, but felt wary of the idea of teaching and of institutions that would naturally follow (p. 17).

Автор упоминает в романе имя еще одного иммигранта-бизнесмена, доказывая наличие возможности у представителей чужих культур на равные права и высокий материальный достаток:

Shahla's father, an Iranian businessman, had bought the one-bedroom flat as an investment... Shahla's father was a Westernised Tehran businessman who had left the

country with the fall of the Shah; her mother was English, of part Jewish descent (p. 16).

Другим представителем экономической системы Великобритании является Джон Виллс, один из самых богатых и успешных банковских управляющих современности. Смысл жизни этого героя заключается не в семье, счастье родным и близких или повседневной жизни, а в математических банковских операциях. Лишь зарабатывая огромные деньги, Джон чувствует себя настоящим мужчиной:

Somewhere in the passageways of John Veals's mind, beyond the thoughts of wife, children, daily living, carnal urges, beyond the scar tissue of experience and loss, there was a creature whose heart beat only to market movements. He couldn't be happy as a man if his positions weren't making money. For John Veals, the analysis of a potential position was therefore more than a business or a mathematical problem; it involved something painfully close to self-knowledge. His life depended on it (p. 17).

Подробное описание расположения офиса Джона Вилса дает нам возможность понять сущность этого героя, познакомиться с его внутренним миром. Бизнесмен выбрал для работы тихое безликое здание с целью отделиться от остальных и создать свою банковскую финансовую империю, достигшую невиданных размеров:

His office was in a tall, blank building in Old Pye Street - the only such block in an otherwise quiet, residential road in Victoria - with a view over to the miniature Byzantine domes and piebald brickwork of Westminster Cathedral, where the bells were tolling for early evening Mass (p. 8-9).

Себастьян Фолкс также описывает связь экономической системы Англии с экономикой и банковскими делами стран — бывших колоний. Несмотря на исторические события, распад Британской империи, сотрудничество с такими странами продолжается и поддерживается правительством Великобритании:

Thanks to its empire roots, Allied Royal still had strong connections in Africa, where the commodities export markets had long relied on its finance (p. 125).

Сквозь призму размышлений Ванессы Виллс о работе и увлечении ее мужа новеллист повествует о происходивших в банковской системе Англии изменениях:

The essential change seemed to her quite simple: bankers had detached their activities from the real world. Instead of being a 'service' industry - helping companies who had a function in the life of their society - banking became a closed system. Profit was no longer related to growth or increase, but became self-sustaining; and in this semivirtual world, the amount of money to be made by financiers also became unhitched from normal logic (p. 102).

Главная героиня романа утверждает, что экономическая сфера современного общества превратилась в своего рода веру, не допускающую сомнений и страха. Проповедники такой веры, сводящие возможность соприкосновения с реальностью к минимуму и убежденные в истинной природе своей «экономической» религии, встречаются во всех уголках мира:

It followed, Vanessa thought, that the people who could flourish here must themselves be, in some profound and personal way, detached. They could have no qualms about the effects of what they did; no cares for the collateral impact - although, to do them justice, they did take precautions to minimise the possibility of any contact with reality; indeed the joy of the new products was exactly their magical self-sufficiency, the way they appeared to eliminate the risk of any final reckoning. However, it remained necessary for these people to have - or to develop very quickly - a very limited sense of 'the other'; a kind of functional autism was the ideal state of mind.

And in addition to this, there must be a passionate faith: they had to believe that theirs was the true system and that earlier beliefs had been heretical. Where there were doubts, they had to be excised; where there were qualifications, they needed to be cauterised. A breed of fanatic was born, and Vanessa saw them with her own blue eyes. She met them at off-site bonding sessions in Florida, at charity dinners and - dog-tired and wind-burned - at the end of golfing weekends in Scotland (p. 102 – 103).

Новеллист непосредственно отождествляет мультикультурный мир современной Англии с существующими в нем субкультурами. Ученые выделяют в особую группу подростков-тинейджеров (14-18 лет), являющихся представителями относительно нового вида субкультуры. В первую очередь Себастьян Фолкс разоблачает семейную обстановку в семье богатого банкира Джона Вилса. Его сын не только не участвует в жизни родителей, как и они в его, но и пренебрегает отношениями с ними:

He had heard his parents come and go half an hour before, but didn't bother to leave his room. Talking to them was an ordeal. His father never knew what to say and seemed anxious that he might betray some ignorance of Finn's life; neither had quite recovered from the moment the year before when John Veals inadvertently revealed that he thought Finn had already taken his GCSEs (p. 43).

Через призму привычек и поведения сына Джона Вилса автор характеризует всю группу в ее единстве (внешний вид, вкусовые предпочтения, развлечения):

Finbar, their sixteen-year-old son, was up in his top-floor room watching a large flat-screen television and rolling a joint. He had bought PS20 worth of skunk on Friday from a boy in Pizza Palace during a break from school, where he was in his GCSE year. Spread out on an atlas, he had three papers and the tobacco from a cigarette. ... Most of his own music was digitised, and CD covers were anyway too small for the task - not that they were much good at the day job, either, as the cheap hinges usually snapped within the week, leaving him with naked, scratch-prone discs of Wind in the Trees by Stefan Everson or Forecasts of the Past by New Firefighters. But rolling up on top of a picture of Neil Young's patchwork jeans or the Beatles' psychedelic uniforms. ... Back in his room, he opened the pizza with extra sugar-dusted dough sticks, Italian dressing and a litre and a half of Coke (p. 40-41).

Новеллист раскрывает актуальную на сегодняшний день проблему современного поколения — проблему морального застоя, деградации.

Современная молодежь предпочитает умным книгам, развивающим играм и телепередачам скудные, травмирующие психику подростков программы:

Channel 7 was about to start his favourite programme, It's Madness. ... The first patient on It's Madness was suffering from 'bipolar disorder' (p. 41).

Другим представителем тинэйджеров является Хасан аль-Рашид. Несмотря на свое пакистанское происхождение, мусульманскую религию, иную культуру, молодой человек остается подростком, желающим проводить время со сверстниками, идти в ногу с современными технологиями:

There were prayer groups and special trips up to the Highlands or down to the Lake District with others of his faith, but while Hassan was thrilled by the stories of Noah, Joseph and others in the Koran, he didn't want to be a special case, in a gaudy coach with wailing music and a devout driver. He watched the same programmes on television as the rest of the children in his class; he went to the same films at the ABC and even supported a football team (Kilmarnock: choosing between Rangers and Celtic had been too fraught). While his father's Punjabi accent was overlaid with a West Riding inflection, Hassan spoke Glaswegian-English like the native he was (p. 107).

В процессе поиска своего места в жизни Хасан примеряет разные амплуа - от религиозного повиновения до неподобающего разгульного образа жизни:

Hassan tried on different disguises. At fourteen he was all Scottish and atheistic: he exaggerated his interest in football and girls; he drank cider and beer from the off-licence and was sick in the park. He derided the women in hijab, calling out insults after them: 'Bloody penguins!'; 'Daleks!' (p. 107).

Себастьян Фолкс не оставляет без внимания и проблему сексуальных меньшинств:

In November, Tranter had invited Patrick Warrender, the literary editor who gave him his staple work as a reviewer, to come and have dinner. Patrick was gay, so there had been no need to find more women, and the conversation had continued successfully till one o'clock (p. 19-20).

Автор указывает на факт, что такое либеральное течение в социуме получило общественное признание. Люди не только не порицают представителей секс-меньшинств, но и проявляют к ним должное уважение. Участники данной мультикультурной группы не скрывают своих сексуальных предпочтений, и даже вопреки таким обстоятельствам занимают весьма высокое положение в обществе.

Помимо рассмотренных ранее проблем писатель раскрывает не менее важный аспект английского мультикультурализма – движение феминизма. С самых первых строк произведения Себастьян Фолкс знакомит читателей с представительницей данного направления – Дженни Форчун:

Some yards below where Gabriel sat reading was an Underground train; and in the driver's cab a young woman called Jenni Fortune switched off the interior light because she was distracted by her own reflection in the windscreen. ... She had been driving on the Circle and Metropolitan lines for three years and still felt excited when she clocked in for her eight-hour shift at the Depot (p. 2).

Положение женщины в обществе меняется: мать Дженни, не зная, что такое чтение и не державшая ни одной книги в доме, не одобряет привычку своей дочери. Однако девушка отражает натиск матери и, несмотря на свою неженскую работу, остается настоящей леди:

Books were what she was hoping to find beneath her own tree. Her favourite authors were Agatha Christie and Edith Wharton, but she read with undifferentiated glee – philosophy or airport novels. Her mother, who had come from County Cork, had barely owned a book and had been suspicious of Jenni's reading habits as a teenager (p. 3).

Основные обвинения феминистского движения связаны господствующей мужской культурой, создающей общество, в котором превалируют мужские ценности, объявленные едиными и общими для всего социума, не связанными с каким-либо полом. Эта идея ярко раскрывается в образе Дженни:

She never looked at photographs of herself, and spent as little time as possible looking in the mirror. There was nothing glamorous about the uniform, and for that she was grateful because it meant there was no choice; for the same reason, she had liked the blazer and skirt required by her school. Being a Tube driver gave her power and responsibility (p. 26).

Она не только выбрала трудную мужскую работу, но и взяла на себя роль кормильца в семье:

It was true that Tony looked at Jenni's payslip with awe, though in fact, after tax and rent at PS250 a week, there was little left for much beyond the weekly shopping (p. 26).

Автор задается вопросом, в чем же заключается причина таких перемен в молодой девушке:

What would make a girl get up early every day and put on clunky shoes with rubber safety soles and drive a train through a dark hole in the ground? (p. 27)

И сразу же находит ответ на этот вопрос:

Tony blamed Liston Brown, the man who'd taken up with Jenni when she was nineteen. ... It had been shocking when he dropped Jenni. Afterwards, she seemed to lose all interest in men. Her twenties passed. She was good to her mother and she was never out of work, though some of the jobs she did were things Tony wouldn't personally have considered. Then at the age of twenty-nine she had surprised them all by training as a driver; it was almost as though she was trying to hide from something, Tony thought, burying herself beneath the ground (p. 27).

Проблема сексуального домогательства является безусловно сложной и во многом относится к числу неразрешимых. Об этом свидетельствуют бурные споры на данную тему в Англии, продолжающиеся уже не одно десятилетие и не дающие каких-либо ощутимых результатов.

Писатель делает вывод, что Дженни Форчун является типичным представителем современного мультикультурного мира, лишенного настойчивости и уверенности в себе:

Gabriel found his thoughts turning to Jenni Fortune, another result of human migration. ... He guessed that the panoply of law, the threat of Latin and long words alarmed her. Yet she drove a train. People entrusted their lives to her. As the months went by, he'd come to see that it wasn't intelligence she lacked and it wasn't character; it was confidence (p.123).

Таким образом, Себастьян Фолкс не только раскрыл основные этнические проблемы на страницах своего романа, но и указал на конфликт самих носителей различных культур. Автор искренне уверен, что разрешение этих конфликтов является основной целью мультикультурализма.

Выводы по ГЛАВЕ II

На основании проведенного анализа мультикультурного контекста современного английского романа Себастьяна Фолкса «Неделя в декабре» можно сделать следующие выводы.

1. В произведении Себастьяна Фолкса прослеживается его стремление превратить литературный текст мегаполиса в «содержательный культурный документ», позволяющий читателю найти доказательства взаимного воздействия этнокультурных групп и метрополии. Город представлен в виде сложного текстового феномена, включающего многочисленные реальные события, факты и сюжеты и отображающего временные и пространственные границы мультикультурного мира столицы. Лондон является полноправным героем, способным оказывать влияние на историю и культуру различных народов, и хранилищем разнообразных кодов, мыслей, идей, текстов и интерпретаций. Многомерный хронотоп С. Фолкса является решающим фактором в процессе формирования этнической идентичности в поликультурном социуме. В романе «Неделя в декабре» детально отображаются существующие в метрополии

пространственно-временные связи, возникающие в процессе сплетения различных составляющих сюжета и играющие огромную роль в становлении и развитии мультикультурного общества.

2. При прочтении романа «Неделя в декабре» особый интерес читателя вызывает феномен множественности голосов, сталкивающихся на страницах произведения. Творчество Себастьяна Фолкса является примером плодотворного развития темы повествования о процессе культурного симбиоза уроженцев стран третьего мира, о внутреннем мире мигранта, вынужденного покинуть свою родину, его ощущениях. В романе переплетаются судьбы многочисленных героев, однако, автор выделяет лишь некоторых из них. Персонажи С. Фолкса – разные по своим поколениям, жизненным позициям и убеждениям люди. Описание представителей различных культур и этносов, их рассуждения и диалоги открывают перед читателем множество проблем современности, рассматриваемых писателем в романе: мировой финансовый кризис, банковское порабощение, терроризм, кризис современной образовательной системы, увлечение подростков алкоголем и наркотиками, проблема феминизма в современном обществе. Автор высмеивает в романе современную литературу и искусство и критикует воздействие виртуального мира на жизнь людей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема «мультикультурализма» была поставлена впервые в 60-е годы XX века. Однако со второй половины прошлого столетия англоязычная культура начала претерпевать различные изменения. На современном этапе развития внимание критиков все больше привлекает творчество мультикультурных писателей, чьи книги расширяют представление о культурном диапазоне «младолитератур».

Сюжет таких произведений, их стиль и тематика строятся на неординарных, не всегда доступных осмыслению и пониманию европейских читателей характеристиках. На сегодняшний день в ряде университетов и колледжей читаются курсы лекций по ирландской, канадской и африканской литературе. Кросскультурная литература активно обсуждается и раскрывается в современных работах по социологии, политологии, культурологии и философии.

В результате проведенного исследования можно сделать вывод о том, что мультикультурализм – определение довольно новое для мировой литературной культурологии, отражающее особый путь бесконфликтного совместного существования в одном окружении множества различных общественных групп. Данный феномен благоприятствует не только росту культурного многообразия в единой социальной атмосфере, но и получению гражданами права свободного самовыражения. Как показывает социально-литературная жизнь в Европе, учение мультикультурализма способствует многим социальным группам осуществить свою личную, изменчивую идентификацию.

Однако культурный плюрализм заключается не только в отдельном существовании различных «идентичностей», но и в их взаимоотношении, взаимодействии, предполагающем как взаимную трансформацию, так и их взаимное проникновение.

Процессы, протекающие в современной западной литературе, показывают картину сложных общественно-политических отношений, которые возникают на рубеже веков не только в Европе, но и во всем мире.

В романе «Неделя в декабре» особое внимание привлекает явление множественности голосов, с которым при прочтении произведения сталкивается читатель. Творчество С. Фолкса – это пример плодотворного исследования темы повествования о процессе культурного сосуществования жителей государств третьего мира, о духовной жизни мигранта, поставленной перед необходимостью покинуть свою страну, и индивидуальном отражении его чувств и эмоций.

Герои С. Фолкса относятся к разным возрастным категориям и отличаются своеобразными идеями, мнениями, жизненными взглядами и позициями. Описание представителей разных культур и народов, их мысли и диалоги раскрывают читателю ряд проблем современного мира, связанных с экономической, политической и религиозной сферами социального пространства.

По нашему мнению, основная проблема мультикультурализма приходится на сохранение развивающихся достижений народной культуры в мультикультурных условиях. Решение данной проблемы предполагает разделение публичной и частной областей общественной жизни. Если в частной жизни индивидам будет позволена культурная свобода, то в публичном мире важно сохранять и совершенствовать работу таких основных культурных институтов, как единая правовая система, система образования, научные учреждения. Необходимо привнести в социальную культуру ориентацию личности на религиозную и культурную толерантность, принцип свободы мировоззрения, гуманистические ценности, культурный плюрализм, уважение личностных прав и свободу самореализации, способствующую успешному процессу мультикультурализации современного общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова О.В., Кубрякова Е.С. Виды пространств текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время. Материалы научной конференции. Под ред. проф. Е.С. Кубряковой, проф. О.В. Александровой. – М.: Диалог-МГУ, 1997. – С. 15-25.
2. Арутюнова Н.Д. Введение. // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Индрик, 1999. – С. 3–11.
3. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. – М.: Логос, 2003. – 350 с.
4. Борисов А.А. Мультикультурализм. Американский опыт и Россия. // Мультикультурализм и этнокультурные процессы в меняющемся мире. – М., 2003. – 23 с.
5. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / пер. с англ. П.М. Кудюкина. Под общей редакцией канд. полит. наук Б.Ю. Кагарлицкого. – СПб.: Издательство «Университетская книга», 2001. – 416 с.
6. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / пер. с англ.; под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2004. – 368 с.
7. Волкова Т.П. Теория мультикультурализма как синтез философских концепций либерализма и коммунитаризма: Дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03 – Мурманск, 2006. – 174 с.
8. Гавров С.Н. Социокультурная традиция и модернизация российского общества. – М.: МГУКИ, 2002. – 146 с.
9. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. – М.: Изд-во «Весь мир», 2004. – С. 33.
10. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / пер. с англ. – М.: «Весь мир», 2005. – 120 с.

11. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
12. Кукатас Ч. Теоретические основы мультикультурализма. – М., 2007. – С. 82-85.
13. Куропятник А.И. Мультикультурализм: проблемы социальной стабильности полиэтнических обществ. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. – 206 с.
14. Кутзее Дж. М. Мистер Фо. СПб.: Амфора, 2004. – 415 с.
15. Лотман Ю.М. Статьи по семиотике и типологии культуры: избранные статьи. – Таллинн: Александра, 1992. Т.3. – 247 с.
16. Мамонова В.А., Мультикультурализм: разнообразие и множество – Журнальный клуб «Интелрос «Credo New» №2, 2007. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.intelros.ru (дата обращения: 12.03.2016).
17. Малахов В. Зачем России мультикультурализм? // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. – М., 2002. – С. 48.
18. Малахов В. Культурный плюрализм versus мультикультурализм // Логос, № 5-6, 2000 – С. 4-8.
19. Малахов В.С. «Скромное обаяние расизма» и другие статьи. – М.: Модест Колеров и Дом интеллект. кн., 2001. – 176 с.
20. Нестерова Н.В. Лондон и проблема памяти города (на материале романа П. Акройда «Английская музыка» // Литература Великобритании в европейском культурном контексте: Материалы X Междунар. науч. конф. Российской ассоциации преподавателей английской литературы. – Н. Новгород, 2000. – С. 150–155.
21. Павлова О.А. Категории «история» и «память» в контексте постколониального дискурса (на примере творчества Дж.М. Кутзее и К. Исигуро): автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук: спец. 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья» / О.А. Павлова. – М., 2012. – 20 с.
22. Паин Э.А. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. – М.: Новое

издательство, 2004. – 248 с.

23. Сидорова О.Г. Британский постколониальный роман последней трети XX века в контексте литературы Великобритании: дис. ... доктора филол. наук: 10. 01. 03 / О.Г. Сидорова. – М., 2005. – 333с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.dissercat.com> (дата обращения: 16.01.2016).

24. Рушди С. Земля под ее ногами. – СПб.: Амфора, 2008. – 719 с.

25. Рушди С. Шаг за черту. – СПб.: Амфора, 2010. – 526 с.

26. Тернборн Г. Мультикультуральные общества // Социологическое обозрение. 2001. Том 1. №1. – С. 50-67.

27. Тлостанова М.В. Проблема мультикультурализма и литература США. – М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. – 400 с.

28. Толкачев С.П. Мультикультурный контекст современного английского романа. – М.: Издательство Литературного института им. А.М. Горького, 2003. – 404 с.

29. Усманова А.Р. Культурные исследования // Постмодернизм. Энциклопедия. – Минск: Интепрессервис. Книжный дом, 2001. – 870 с.

30. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб.: Наука, 2000. – 380 с.

31. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас; пер. с нем. под ред. Е. Петренко. – М.: Весь Мир», 2003. – 416 с.

32. Чхартишвили Г. Но нет Востока и Запада нет // Иностранная литература. 1996. № 9. – С. 254-264.

33. Bhabha H. Nation and Narration. London and New-York, 1990. – 203 p.

34. Bhabha H. The Location of Culture. – London and New York: Routledge, 1994. – 320 p.

35. Black British Culture and Society: A Text Reader. Owusu, K. (ed). L., 2000. – 197 p.

36. Boehmer E. Colonial and Post-Colonial Literature. Oxford and New-York, 1995. – 203 p.

37. Bradbury M. No, Not Bloomsbury. L., 1987. – P. 192.
38. Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Stanford University press, 1990. – 186 p.
39. Giddens A. The Third Way and its Critics. Malden: Polity Press, 2010. – 185 p.
40. Glazer N. We Are All Multiculturalists Now. Cambridge, Mass. and London England: Harvard University Press, 1997. – 179 p.
41. Gray S. A sense of place in the new literatures in English, particularly South Africa. L., 1986. – 197 p.
42. Kymlicka W. Immigration, Multiculturalism, and the Welfare State // Ethics and International Affairs. V. 20.3. Fall., 2006. – P. 281 – 304.
43. Lamming G. The Pleasures of Exile. – L.: Allison & Busby, 1984. – 256 p.
44. Mohammed is most popular name for baby boys in London. / The Daily Telegraph. – September 15, 2009. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.telegraph.co.uk/news/religion/6194354/Mohammed-is-most-popular-name-for-baby-boys-in-London.html> (дата обращения: 16.01.2016).
45. Muslim population 'rising 10 times faster than rest of society' / The Times. – January 30, 2009. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.timesonline.co.uk/tol/news/uk/article5621482.ece> (дата обращения: 16.01.2016).
46. Sanga J.C. Salman Rushdie's postcolonial Metaphors. L., 2001. – 243 p.
47. Taylor Ch. The Politics of Recognition // Multiculturalism. Examining the Politics of Recognition / Ed. by A. Gutmann. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1994. – 112 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

1. Faulks S. A week in December. – London: Vintage, 2010. – 392 p.